

ПЕЧАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ ¹⁾).

(По вопросу о церковно-богослужебномъ языкѣ)

(Окончаніе).

Въ своей статьѣ проф. Пѣвницкій приводитъ очень важный отрывокъ изъ письма Н. П. Ильминскаго къ К. П. Побѣдоносцеву. Обыкновенно псевдо-церковное настроеніе замаскировываютъ дѣйствительно церковными словами и понятіями; иногда сердце чувствуетъ фальшь, а прямыхъ уликъ и доказательствъ нѣтъ на лицо. Поэтому иногда приходится ловить псевдо-церковниковъ на словѣ, когда безъ ихъ вѣдома истинная природа ихъ чувствъ проявляется вполне опредѣленно, не оставляя мѣста для колебаній. Такимъ откровеннымъ, сказаннымъ въ минуту увлеченія, словомъ и является письмо Ильминскаго. Оно заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія, какъ важный документъ, фактически характеризующій подлинный духъ псевдо-церковности.

„У насъ въ духовенство всосалось пренебреженіе къ славянщинѣ; готовы все по боку“, пишетъ Ильминскій. Въ этихъ словахъ мы прежде всего видимъ подтвержденіе того, что совсѣмъ не въ послѣднее время, а издавна духовенство хранило мысль о необходимости ²⁾ приблизить Богослуженіе къ пониманію народа. Можетъ быть, Ильминскій и преувеличиваетъ, но, значитъ, и въ его время были основанія полагать, что духовенство въ большинствѣ противъ славянщины и что это въ духовенство „всосалось“, т. е. взлелѣяно глубоко, наслѣдственно. Ильминскій оскорбляется этимъ обстоя-

¹⁾ Статья эта не выражаетъ мыслей редакціи *Ред*

²⁾ Нужно доказать *Ред*

тельствомъ и оскорбляетъ духовенство. Замѣчательнъ тонъ его фразы: „всосалось“ „пренебреженіе“, „готовы все по боку“; т. е., значить, для духовенства нѣтъ ничего святого? Этотъ тонъ весьма обыченъ для ревностныхъ свѣтскихъ церковниковъ и для нѣкоторыхъ невѣрующихъ консервативныхъ политиковъ. По ихъ понятіямъ, духовенство обязано быть тупоконсервативнымъ, безъ мысли, безъ свободы, безъ „академій“. Они оскорбляются и оскорбляютъ, говорятъ о духовенствѣ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и крѣпостническимъ барскимъ тономъ, когда оно во имя реальныхъ духовныхъ благъ и по христіанской свободѣ мечтаетъ о переходѣ на лучшее въ томъ, что подлежитъ улучшенію, въ чемъ мы должны покаяться и исправиться. Относительно невѣровъ это понятно: за внѣшней формой и бытомъ они проглядѣли реальную правду вѣры и духа: они думаютъ, что только наивность ума и гипнозъ традиціи поддерживаютъ вѣру народную и безмятежность народной жизни: поэтому имъ кажется, что для руководителей народа опасны академіи, науки, мысль и живые порывы къ активному совершенству. Такова недалъновидная логика своекорыстныхъ невѣровъ. Но какъ понять глубоко образованныхъ вѣрующихъ? Они то вѣдь знаютъ, во что увѣровали; имъ извѣстно, что за нашими вѣрованіями стоятъ абсолютные факты, что чѣмъ больше разума, тѣмъ они виднѣе; имъ извѣстно, что нѣтъ силы, какая могла бы отлучить насъ отъ любви Христовой, что—чѣмъ больше развивается въ насъ живой активности, тѣмъ крѣпче завѣтъ нашей вѣры. Поэтому они могли бы спокойно встрѣчать перемѣны условныхъ выраженій безусловной правды; иначе можно подуматъ, что они самообольщаются, считая себя вѣрующими. Такъ оно, кажется, и есть: подлинная вѣра достояніе сыновъ Церкви, а не тѣхъ, кто рекламируетъ свою поддѣльную церковность!

Съ точки зрѣнія Ильминскаго, великій грѣхъ—усумниться въ безусловной благодѣтельности славянскаго языка. Онъ пренебрежительно и раздраженно относится къ чаяніямъ духовенства. Но едва-ли взглядъ духовенства заслуживаетъ пренебреженія. Разъ духовенство, которое живо только церковію и богослуженіемъ, стихійно выражаетъ то или иное мнѣніе въ своей спеціальной области, то это что-нибудь да значить: вельзя на него за это только плюнуть. Для духо-

венства богослуженіе не что либо особое отъ жизни, а сама жизнь, обычная, ежедневная, не показъ, не нарядъ, не любительское увлеченіе, а—дыханіе, постоянное біеніе сердца. Духовенству, поэтому, естественнѣе чувствовать ту поддѣлку, ту оторванность отъ жизни, какія придаетъ богослуженію славянщина. Церковникъ-любитель поддерживаетъ необычайность, особность богослуженія отъ жизни; а кто имъ всегда живетъ, тотъ понимаетъ несравненное благо его естественности и жизненности, чего онъ ищетъ и для другихъ, стремясь приблизить богослуженіе къ преобразуемой по его духу и идеямъ жизни. Духовенство видитъ, что храмъ есть незамѣнимая школа для народа; оно считаетъ преступнымъ предъ Богомъ и совѣстью предлагать ему въ этой школѣ что-либо темное, непонятное. Духовенство видитъ, что отъ мертвенности языка замираетъ и ясное религіозное сознаніе въ людяхъ, что отъ неподсильности разумѣть читаемое и чтенцы наслѣдственно и прочно пріобрѣли кощунственную, иногда неискоренимую, привычку бормотанія святыхъ и дивныхъ словъ въ Божіемъ храмѣ. Стоя на стражѣ религіознаго сознанія и жизни, грѣшить ли духовенство, если думаетъ, что „Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы“, что Церковь имѣетъ власть и надъ славянщиной, что не она для славянщины, а наоборотъ?

Но, стремясь къ большей жизненности богослуженія, духовенство безусловно не можетъ относиться пренебрежительно и грубо къ священнымъ, хотя бы и устарѣвшимъ, вещамъ, предметамъ, традиціямъ или языку. „Готовы все по боку“. Это—неправда! Не вѣрятъ въ непреходящее значеніе славянщины—это не значить, что для нихъ нѣтъ ничего священнаго; это—хула на духовенство. Намъ извѣстны священники, глубоко жаждущіе многихъ и многихъ обновленій, невѣрящіе въ неприкосновенность ничего условнаго, внѣшняго, человѣческаго, при вѣчномъ и Божественномъ; и они, однако, съ восторгомъ и волненіемъ всецѣлой преданности цѣлуютъ священные покровы, сосуды, одежды. одинъ видъ ихъ, одно прикосновеніе къ нимъ уже волнуютъ ихъ души. Это—потому, что въ этихъ вещахъ и предметахъ воплощена необъятная громада величайшихъ идей, въ которыхъ вся наша жизнь и радость; въ нихъ воплощена потрясающая красота и сила Божіей правды, любви, снисхожденія.

денія, близости. Эта красота и эта любовь со дней младенчества и отрочества глубоко волнуютъ насъ святымъ и радостнымъ трепетомъ; чувство благоговѣнія и къ внѣшнему „всосалось“ въ насъ, однако—неразрывно съ чувствомъ правды, величія и существенности внутренняго, духа. Эти чувства и сдѣлали насъ служителями престола Христова. Но они какъ будто непонятны псевдо-церковникамъ, у которыхъ условное внѣшнее переросло безусловное внутреннее. Но и для насъ непонятно и неприемлемо ни въ малѣйшей степени какое бы то ни было поклоненіе вещи или языку. И одна и другая вещь можетъ быть освящена благодатью: источникъ святости—единный, вѣчный и невещественный. Если святая вещь почему-либо перестала носить воплощенную въ ней идею, то мы съ почетомъ устранимъ ее и освятимъ новую, лучшую. Вещи преходящи, а духовная сущность жизни абсолютна; цѣлуя ихъ, мы ее цѣлуемъ и ей радуемся, привѣтствуя ея идейное воплощеніе и въ старомъ и въ новомъ.

Итакъ, высшій родъ благоговѣнія ко внѣшнему не противорѣчить, а—наоборотъ—содѣйствуетъ развитію и улучшенію во внѣшнемъ всего, что требуетъ улучшенія. Непризванные судьи духовенства совсѣмъ не знаютъ его психологіи, что и порождаетъ въ нихъ неосновательныя смущенія. Кромѣ своего настроенія духовенство живетъ и настроеніемъ своей паствы. Желаетъ иной іерей лучшаго, но всю душу свою, вмѣстѣ съ простой паствою, влагаетъ въ существующее. Не со всякимъ онъ станетъ говорить о реформѣ; и говорить о ней ему больно. И это очень понятно. Намъ особенно горьки и тяжелы недостатки самыхъ близкихъ и дорогихъ намъ людей. Существующему чину богослуженія мы отдали самыя первые свои порывы, мы росли въ него; говорить о его недостаткахъ такъ же больно, какъ сознавать недостатки своего лучшаго идеала. Мы хотѣли бы еще глубже срастись, неразрывно слиться съ службой Божіей; и при такомъ стремленіи думать, что нужны и будутъ перемѣны, иногда тяжело. Это больно чувствуется. И болѣзненно переживая нужду реформы для истиннаго блага Церкви, мы сознаемъ свой священнѣйшій долгъ блюсти безмятежное и радостное увлеченіе службой Божіей въ „малыхъ сихъ“, не смущая ихъ какимъ-либо недовольствомъ ею; мы, наоборотъ, употребляемъ

всѣ усилія къ тому, чтобы представить ее имъ и передать въ наилучшемъ и наилучшемъ видѣ. Къ этому насъ обязываютъ и другія обстоятельства. Нельзя критиковать существующій чинъ, не узнавъ, не выполнивъ и не усвоивъ его во всей его красотѣ и силѣ. Это было бы нечестно. Затѣмъ, нельзя творить новаго, не воспитавшись въ старомъ; нельзя быть сильнымъ ни въ одной новой чертѣ, не усвоивъ тысячелѣтняго творенія генія Церкви, творенія, во многомъ незамѣнимаго и непреходящаго. Поэтому мы не можемъ не стремиться самымъ наилучшимъ и совершеннѣйшимъ способомъ выполнить существующій чинъ, полный высокаго духа и могучей силы. Такимъ образомъ, басня „все по боку“ — совершеннѣйшая неправда. Этого никогда не можетъ быть въ духовенствѣ, кромѣ развѣ уродливыхъ исключеній.

По чистой совѣсти мы пришли къ убѣжденію, что реформа въ церковно-богослужебномъ языкѣ необходима. Если мы неправы, то подумайте вмѣстѣ съ нами, помогите, а не судите насъ съ легкимъ сердцемъ. Не сомнѣваясь въ компетентности своего суда, Ильминскій считаетъ духовенство легкомысленнымъ въ томъ, что оно мало дорожить славянщиной. Онъ хотѣлъ бы вновь увлечь насъ къ ней. И чѣмъ же? „Поэтому-то“, пишетъ онъ, „мнѣ еще сильнѣе и настоятельнѣе желательно напечатать редакцію четвероевангелія на древне-славянскомъ языкѣ; авось хоть этой искрой заплѣтется угасающее чувство *родного, славянскаго и православнаго дѣла*“. Для насъ и ново-славянскій языкъ кажется уже устарѣвшимъ, древнимъ, и мы готовы освятить для церкви совсѣмъ новый, живой и дѣйствительно родной языкъ, а насъ хотятъ отвлечь отъ этого грѣха *древне* славянскимъ языкомъ. Мы, будто бы, услышавъ менѣе понятныя реченія и увидавъ болѣе древнія письмена, вдругъ исполнимся къ нимъ любовью и скажемъ: вотъ гдѣ дѣйствительно наше. родное, славянское, православное дѣло, а живой языкъ—это чужой, русскій, еретическій. Какое-то странное извращеніе понятій, какое-то болѣзненное пристрастіе къ славянщинѣ и пренебреженіе къ родной рѣчи, къ словесному развитію родного народа въ служеніи Богу!

Далѣе въ письмѣ приводится по всѣмъ признакамъ проницательное замѣчаніе какого-то протестанта, принятое Ильминскимъ за серьезное, съ признательностію и сочувствіемъ.

„Самая опасная для русской Церкви сила (представляет приводимый Ильминскимъ протестантъ),—это Новый Заветъ на русскомъ языкѣ. Съ того времени, какъ стала распространяться эта книга (!), борьба Церкви противъ разлагающаго движенія дѣлается съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и если ей не удастся это, то всякое внѣшнее давленіе на отдѣльныхъ личностей и ихъ религіозныя отправленія останутся напрасными (останется напраснымъ?)“... Горько читать эти слова, трудно вѣрить, что ими увлекся православный христіанинъ! Итакъ, ясное и понятное Евангеліе—самая опасная сила для русской Церкви. Когда она была подъ спудомъ славящины, Церкви легче было бороться съ „разлагающимъ движеніемъ“, а когда стала распространяться *эта книга* (какъ это она во время не запрещена и не конфискована?), то борьба для Церкви дѣлается тяжелѣе, уже не помогаетъ „внѣшнее давленіе на отдѣльныхъ личностей и ихъ религіозныя отправленія“. Значитъ, нужно направить „давленіе“ на то, что поддержало „разлагающее движеніе“, т. е. на русское Евангеліе и вообще на Новый Заветъ, и потому только, что содержаніе новозавѣтнаго откровенія стало понятнымъ и дорогимъ народу? Этотъ выводъ, къ изумленію, и дѣлаетъ Ильминскій.

Русскимъ переводомъ Библии и Евангелія, говоритъ онъ, усердно пользуются въ своихъ видахъ иностранные миссіонеры и усиленно распространяютъ его. Онъ удивляется, какъ это мы, русскіе, содѣйствуемъ ихъ цѣлямъ, т. е. стремимся къ распространенію на русскомъ языкѣ „опасной силы“ для Церкви—Слова Божія. Несчастныя Книги, постоянный предметъ разнообразныхъ и странныхъ пререканій! Распространять ихъ намъ, русскимъ, въ понятномъ изложеніи—грѣшно, измѣна: мы повредимъ „церковности“. Сектанты привлекаютъ народъ яснымъ чтеніемъ Слова Божія, а намъ нельзя. Пусть лучше народъ уйдетъ къ нимъ, зато у насъ сохранится славящина. О Христвъ, о Церкви, о правдѣ, о жизни здѣсь нѣтъ рѣчей; была бы только „церковность“. „Если православные міряне“, пишетъ Ильминскій, „плѣваясь, благодаря ясному русскому изложенію, содержаніемъ Евангелія и вообще Библии, принимаютъ русскій переводъ и бросаютъ текстъ славянскій, то они порвали уже связь съ православною церковностью“. Ну, вѣдь это прямо-таки цинизмъ.

нехорошій, богопротивный, на этотъ разъ уже и не прикрытый фарисейской маской!... Къ содержанію Библии и Евангелія Ильминскій, повидимому, равнодушенъ: содержаніе свяш. книгъ само по себѣ ему не казалось, вѣроятно, вреднымъ; но оно опасно, по его мнѣнію, въ томъ отношеніи, что благодаря русскому изложенію ильняетъ православныхъ мірянъ, которые ради ясности „чужого“ русскаго изложенія оставляютъ свой „родной“ славянскій текстъ и тѣмъ порывають связь съ „православной церковностью“. Пусть бы лучше содержаніе Евангелія и Библии было для нихъ закрыто, пусть бы оно ихъ не „плѣняло“, только бы не оставляли они славянскаго языка, только бы не разрывали этимъ связи съ „церковностью“, которая, значитъ, не нуждается въ плѣняющемъ содержаніи Евангелія и прочихъ Писаній, ясное изложеніе которыхъ служить для нея „самою опасною силой“. Такъ вотъ она пресловутая „православная (анти-православная, конечно), церковность!“ Она враждебна духу и содержанію Евангелія Христова, писаній Апостоловъ и Пророковъ, она хотѣла бы держать ихъ подъ спудомъ, она не связана съ ними органически, а только внѣшнимъ образомъ: она вся зиждется на языкѣ, на вещахъ, на обрядахъ и традиціонномъ бытѣ, она недружелюбно косится на „плѣняющее“ содержаніе книги Жизни и вѣчной Правды! Новый Завѣтъ уже не церковная книга, разъ онъ на русскомъ языкѣ. Это уже не православная, а сектантская, „опасная“ для Церкви книга. Церковнику нужна славянщина, хотя бы она и закрывала отъ вѣрныхъ содержаніе нашего исповѣданія. Ему нужна старая черная икона, забитая золотымъ листомъ, хотя бы ничего уже нельзя было разобрать на ней, хотя бы она не только не напоминала, а кощунственно—превратно представляла свой первообразъ. Ему нужно Евангеліе въ дорогомъ и тяжеломъ окладѣ, на славянскомъ языкѣ, хотя бы содержаніе благовѣствованія не волновало и не плѣняло его. „Поэтому“, дѣлаетъ выводъ проф. Пѣвницкій, „нужно твердо держаться славянскаго текста въ церковной практикѣ, чтобы не утерять связи съ православной церковностью“. Итакъ, не вѣра, не духъ, а туманный славянскій текстъ связываетъ съ православной церковностью. „Будетъ брошенъ этотъ языкъ, считающійся священно-церковнымъ, и замѣненъ простымъ обыденнымъ

языкомъ“, продолжаетъ профессоръ, „произойдетъ омірщеніе церковнаго дѣла и низведеніе его съ высоты, ему подобающей, въ близкій уровень съ простыми будничными явленіями“. Такъ неужели же все высокое и святое, выраженное русскимъ, понятнымъ, роднымъ, дорогимъ, образнымъ, „великимъ“ языкомъ, уже тѣмъ самымъ унижено, низведено въ разрядъ пошлыхъ будничныхъ явленій? Неужели же возвышенная живая рѣчь, языкъ души и сердца, посвященный Богу и чрезъ то озаренный высшимъ свѣтомъ и разумомъ, для чего онъ и данъ намъ,—неужели же это не священо, не свято, а что-то простое, обыденное, омірщающее, низводящее, опошливающее? „Дѣло церковное“... Да въ чемъ оно? Не въ томъ ли, чтобы Духомъ Божіимъ „утвердиться во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ сердца наши?“ И неужели это можетъ достигаться только туманными славянскими реченіями и опошливаться отъ ясныхъ русскихъ выраженій? Не въ томъ ли „дѣло церковное“, чтобы именно содержаніемъ службы и Писаній волновать и „илѣнять“ сердца людей, что для псевдо-церковниковъ кажется „опаснымъ“? Съ малолѣтства, напр., твердятъ православные, на первыхъ порахъ не понимая, а потомъ уже по привычкѣ не ниша смысла: „о Тебѣ же все упованіе мое“; если сказать: „на Тебя вся моя надежда“, неужели, когда эти слова своей ясностью и живостью взволнуютъ и согрѣютъ сердце, то и Господь, и наша вѣра, и надежда, и преданность Богу,—все низойдетъ въ уровень, близкій къ обычнымъ и пошлымъ будничнымъ явленіямъ? Не странно ли предполагать это? Слишкомъ очевидно въ данномъ спорѣ, что мы имѣемъ дѣло не съ религіей, не съ духомъ, а съ привычнымъ и суевѣрнымъ отношеніемъ къ славянщинѣ. И содержаніе Евангелія, и живыя ежедневныя и ежечасныя чувства вѣрующей души,—все отступаетъ на задній планъ, все можетъ быть забыто тѣми, кто во имя „православной церковности“ (фальсифицированной) съ жаромъ фанатизма стоитъ за славянщину и другія древнія условности. Мы привыкли, наше родное, славянское, отъ нашихъ предковъ,—вотъ что обыкновенно заговариваетъ отъ псевдоцерковниковъ Христово, Евангельское, вселенское, дѣйствительно православное и церковное. Если бы это настроеніе подвергнуть полной богословской, психоло-

гической и исторической критикѣ, подробной и откровенной, то мы поняли бы, почему это нашъ искони православный и церковный народъ часто носитъ въ себѣ еще неукропшеннаго звѣря, почему въ однихъ мѣстахъ онъ легко совращается сектантами, а въ другихъ—снимаетъ всякую узду закона и религіи, вліяніе Церкви и традицій, всякаго стыда и совѣсти (см. Родіоновъ „Наше преступленіе“)?

Рабство предъ стариной нынѣ кое-гдѣ въ модѣ. Но опасно и нерелигіозно подмѣнять безусловную правду и широту идеала его условными формами и преходящими выраженіями. Нельзя, напр., вмѣсто необъятнаго и безконечно раскрывающагося религіозно-нравственнаго идеала ставить предъ церковной жизнью и искусствомъ формы XVII вѣка. Это—измѣна Божественному въ жизни и искусствѣ. „Не сотвори себѣ кумира“. Никакая форма не можетъ замѣнить живой идеаль, она всегда будетъ только преходящимъ, посильнымъ для извѣстной эпохи, приближеніемъ къ нему. Поэтому нельзя жалѣть объ утраченныхъ формахъ и насильно, противоестественно возвращаться къ нимъ, какъ нелѣпо было бы рѣзать и истреблять цвѣты и плоды дерева во имя того, что этого не было съ нимъ раньше, что это—измѣна традиціи болѣе молодой ¹⁾, „исконной“. Вредная иллюзія—думать, что формы религіознаго быта или искусства XVII вѣка могутъ выдержать бури и жажду XX-го? Старое росло и стремилось къ новому; отрицать новое во имя стараго значитъ враждовать съ духомъ стараго: такъ разрывается живая внутренняя связь настоящаго съ духомъ традиціи, вмѣсто чего выдвигаются ея ископаемыя формы. Безусловный идеаль—вѣчно единъ и себѣ равенъ: мы же, посильно его уразумѣвая, непремѣнно должны расти и расти, „забывая заднее и простираясь впередъ“ (Филип. 3, 13). Если мы усвоили пережитыя формы, если онѣ помогли намъ разгадать ту или иную черту безусловной жизни и правды, то мы можемъ съ благодарностью забыть ихъ и устремиться къ отысканію и выраженію новыхъ и новыхъ сторонъ вѣчнаго идеала, который, какъ вѣчный и живой, всегда вне-

1) „Молодая“ въ отношеніи зрѣлости, она стара по времени. Древнія преданія особенно драгоцѣнны только въ томъ, что не подлежатъ развитію.

реди, всегда необъятенъ и всегда новъ для насъ. Поэтому нѣтъ основаній скорбѣть о прошедшихъ и проходящихъ его разумѣніяхъ и толкованіяхъ. Нельзя жалѣть о юношескихъ религіозныхъ чувствахъ и искусственно оживлять ихъ въ себѣ, какъ нѣкоторые безуспѣшно объ этомъ иногда стараются, а нужно рѣшиться на могучія и непоколебимыя чувствованія мужескаго возраста, хотя бы при этомъ и пришлось пожертвовать грезами юности. „Когда я былъ младенцемъ, то по-младенчески говорилъ, по-младенчески мыслилъ. по-младенчески рассуждалъ: а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое“ (1 Кор. 13, 11)..

По словамъ проф. Пѣвницкаго, „мысль объ упрощеніи богослуженія и совершеніи его на русскомъ языкѣ встрѣчаетъ сочувствіе не въ той части народа, которая составляетъ ядро православнаго народонаселенія и твердо держится Церкви, а въ такъ называемой интеллигенціи, большинство которой утратило церковный духъ“. Проведеніе этой мысли въ практику будто бы „было бы угожденіемъ людямъ малоцерковнымъ“ и оскорбленіемъ религіознаго чувства тѣхъ, „которые составляютъ соль земли“. Но вѣдь у „ядра“, у „соли“ не спрашивали объ этомъ; многіе изъ народа сильно увлекаются и „плѣняются“ русскимъ Евангеліемъ, Библию, русскими по языку сектантскими собраніями; народъ нашъ менѣе привязанъ къ буквѣ, чѣмъ о немъ обыкновенно думаютъ. Не ясно изъ словъ профессора, какая интеллигенція сочувствуетъ мысли объ оживленіи богослуженія: утратившая церковный духъ или неутратившая? большинство или меньшинство? Духъ Церкви—въ ея вѣрѣ, въ ея исповѣданіи, въ ея богослуженіи, въ ея жизни. Интеллигенція, потерявшая вѣру, конечно—утеряла и церковный духъ. Но такая интеллигенція и не говоритъ о богослуженіи: ей оно все равно ненужно, на какомъ бы языкѣ оно ни совершалось. Но вѣрующая интеллигенція мечтаетъ объ оживленіи богослуженія именно потому, что жаждетъ „церковнаго духа“. Все устарѣлое и неживое въ языкѣ и обрядности, по ея мнѣнію, противорѣчитъ духу Церкви. И развѣ это не правда? Религія вся—жизнь, вся—разумъ, вся—красота, вся—святость, вся—любовь, вся—единый одушевленный порывъ Церкви къ Богу. Для ея выраженія и реализаціи въ жизни людей потребны только живыя, только разумнѣйшія и наи-

прекраснѣйшія формы. Все устарѣлое, утратившее жизненность и силу, все некрасивое и неинтеллигентное, все непонятное и необъединяющее — является въ этой области оскорбленіемъ живого религіознаго чувства. Изъ вѣрующей интеллигенціи одни скорбятъ объ этомъ и ходятъ въ церковь, другіе—скорбятъ и удаляются отъ церкви. Если пойти къ нимъ навстрѣчу и привести ихъ въ церковь, порадовать ихъ высшимъ вдохновеніемъ въ домѣ Отца, то неужели это будетъ худымъ дѣломъ? По словамъ проф. Пѣвницкаго, русификаціей богослуженія мы сдѣлаемъ „угожденіе людямъ малоцерковнымъ“. Но если черезъ это они станутъ многоцерковными? Вѣдь угожденіе бываетъ разнаго характера. „Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“, сказалъ Господь. „Мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ и не себѣ угождать: каждый изъ насъ *долженъ угождать* ближнему, *во благо къ назиданію*“, говоритъ Апостоль. Если „угожденіе“ наше назидательно для малоцерковныхъ, если оно одушевитъ ихъ, породитъ въ нихъ горячую ревность по вѣрѣ и истинно церковное настроеніе, то оно, конечно, нашъ прямой долгъ. Но—такой же долгъ, разумѣется, понести немощи и темной религіозной массы. Какъ это согласовать, объ этомъ нужно съѣсть да подумать. Профессоръ же Пѣвницкій въ корнѣ осуждаетъ всю мысль: пусть, по его, славянщина сохранится навсегда. Это—основная неправда его статьи.

Переводъ богослуженія на русскій языкъ, по мнѣнію проф. Пѣвницкаго, будетъ оскорбленіемъ благоговѣйныхъ чувствъ многихъ вѣрующихъ. Конечно, можно перевести и передѣлать все такъ, что на русское богослуженіе не только народъ, но и ни одинъ мало-мальски развитой человекъ не пойдетъ, встрѣтивъ оскорбленіе своихъ и религіозныхъ и эстетическихъ чувствъ. Ошибка почтеннаго профессора въ томъ и состоитъ, что онъ сочиняетъ какой-то странный переводъ богослуженія. Онъ совсѣмъ не считаетъ съ мыслью, нельзя ли дать богослуженію вполне достойный его русскій видъ? Предъ нимъ все проносятся „простыя реченія нынѣшняго разговорнаго языка“, даже „языка улицы“ и нашей „развязной литературы“. Но вѣдь кромѣ базарнаго и разговорнаго языка у насъ есть еще языкъ нашей классической литературы. Да и въ лучшемъ литературномъ языкѣ не одинъ

стиль, не одинъ складъ. Бѣтъ у насъ и возвышенный, эстетическій складъ рѣчи, который можетъ еще и еще возвыситься и очиститься и стать вполне достойнымъ стилемъ языка религіи... „Отверзу уста моя“ профессоръ переводитъ: „открою ротъ свой“. Зачѣмъ? Это, конечно, некрасиво, но это—шаржировка. Развѣ нельзя по-русски сказать: *отверзу уста мои*? Только одна буква—и руссификація достигнута. Пушкинъ писалъ не по-славянски, однако у него находимъ: „отверзлись (слав. „отверзошася“) вѣщія зѣнницы“... „и онъ къ устамъ моимъ приникъ“... „Жезль“ замѣнять словомъ *палка* тоже мало основаній; нельзя и по-русски вмѣсто „фельдмаршальскій жезль“ сказать „фельдмаршальская палка“. *Чело* переводитъ словомъ *лобъ* совсѣмъ нѣтъ никакой нужды. „И капли крови вмѣсто розъ чело украсили Его“ (А. Плещеевъ „Легенда“). „... Горитъ на твоёмъ, какъ мраморъ поблѣднѣвшемъ, челѣ (Тургеневъ. Стихотворенія въ прозѣ)“. Все это не по-славянски. Если считается нужнымъ, можно оставить и *ланиты*; это—обрусѣвшее слово, Пушкинъ употреблялъ его и въ игривыхъ стихотвореніяхъ. *Рамена* перевести словомъ „плечи“—ничего нѣтъ страшнаго. „А на шею возьметъ ее на плеча свои съ радостью“ (Лук. 15, 5). Ничего нѣтъ неблагозвучнаго. *Персть* Божій нельзя и нѣтъ никакой нужды переводить словомъ *палець*; предполагать такой переводъ опять-таки можно только для шаржировки. „Перстами, легкими какъ сонъ, моихъ зѣнницъ коснулся ояъ“. Нищая мѣщанка, жалуясь на свою безпомощность, говоритъ: „совсѣмъ одна, какъ персть“, а не какъ палець. Проф. Пѣвницікій недоумѣваетъ: „какъ вы по-русски передадите: „*всякъ мужескій полъ ложесна разверзай?*“ Но вѣдь это и по-славянски нехорошо: зачѣмъ молящагося заставлять разгадывать и размышлять, что все это означаетъ? Не гораздо-ли лучше выйдетъ по-русски, безъ описательности: *всякій первенець?* Только всего; и ничего вреднаго для чувства и настроенія не произойдетъ. (У Ловягина переведено некрасиво: „всякъ мужескаго пола, перворождающійся изъ утробы“). *Господь помилуй!* Да, это некрасиво. Въ данномъ случаѣ русскій языкъ страдаетъ недостаткомъ звательнаго падежа. „Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, помилуй меня!“ Холодно, грубо. Непремѣнно нужно сказать: „Господи, Иисусе Христе“... „Отче нашъ“ и т. п. Такъ и въ русскомъ текстѣ

Евангелія мы всюду видимъ: „Господи!“ „Отче!“... Такъ и въ самомъ обыденномъ говорѣ слышимъ: „ахъ, Господи, Боже мой!“... Что встрѣтятся большія затрудненія при русификаціи богослуженія, это несомнѣнно. Но преодолѣть ихъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ полезно; изъ-за этого не должно останавливать великаго для Церкви и Славы Божіей дѣла. Но необходимо замѣтить и то, что нѣкоторыя мѣста богослуженія при русификаціи или цѣликомъ сохраняются, или потеряютъ едва замѣтныя измѣненія. Напр.: „о плавающихъ, путешествующихъ“... „Пресвятую, Пречистую“... и т. п.

Славянскій языкъ, пишетъ проф. Пѣвницкій, „мы можемъ считать своимъ роднымъ языкомъ“. Конечно, и считать и называть можно, но отъ этого онъ въ дѣйствительности не станетъ для насъ такимъ близкимъ и такъ говорящимъ нашему сердцу и сознанію, какъ языкъ русскій. Разумѣется, если дѣлать выборъ между латинскимъ и славянскимъ языкомъ для богослуженія, то и мы, подобно нѣкоторымъ католическимъ славянскимъ племенамъ, добивались бы славянской рѣчи въ храмахъ, какъ милости. Но разъ мы выбираемъ между славянскимъ и русскимъ языкомъ, то вполне естественно, что мы хотимъ дѣйствительно своего и родного самаго близкаго и понятнаго языка. И если мы жаждемъ быть всецѣло живыми въ религіи и славить Бога дѣйствительно своимъ живымъ языкомъ, то что здѣсь грѣшнаго и преступнаго? Православная Церковь не узаконила для богослуженія языка греческаго или латинскаго, но дала славянамъ славянскія книги, дала имъ богослуженіе на ихъ живомъ языкѣ. Неужели мы поступимъ противно духу Православной Церкви, если дадимъ русскому народу русское богослуженіе, не налагая на людей ига двуязычія и не произнося религіознаго отлученія на свой родной языкъ?

Конечно, никто не скажетъ, что для простолюдина все теряется въ славянскомъ богослуженіи; нѣтъ, можно допустить, что почти половина содержанія службъ западала бы ему въ душу, если бы чтецы добросовѣстно исполняли свое дѣло. Но зачѣмъ же намъ и на этомъ успокаиваться? Намъ нужно *все* доложить молящейся душѣ и *всецѣло* увлечь ее. Несомнѣнно, народъ усваиваетъ общій смыслъ и характеръ богослуженія; но зачѣмъ пренебрегать въ такомъ дѣлѣ полною, цѣлостностью? Можетъ быть, не происходитъ большого

вреда отъ того, что ускользають отъ вниманія нѣкоторыя частности и не во всей полнотѣ входятъ въ разумѣніе вѣрующихъ предлагаемое въ церкви для общаго назиданія и для возбужденія молитвеннаго Духа“, говоритъ профессоръ: народъ „съ дѣтства по-славянски молится Богу“, прибавляетъ онъ далѣе. Можетъ быть, нѣтъ большого вреда, а вѣдь можетъ быть есть и очень большой вредъ? Намъ несомнѣннымъ кажется послѣднее. И думается, что рискованно оставлять дѣло въ такомъ положеніи, когда „не во всей полнотѣ входятъ въ разумѣніе вѣрующихъ предлагаемое въ церкви для общаго назиданія и для возбужденія молитвеннаго духа“. Мы не такъ равнодушны къ полнотѣ получаемыхъ нами матеріальныхъ благъ, къ полнотѣ тѣлеснаго питанія нашихъ дѣтей. Отъ того, что очень многого недостаетъ „въ церкви для общаго назиданія и для возбужденія молитвеннаго духа“, происходитъ то, что народъ и не ищетъ „разумѣнія:“ „не намъ понимать“, и остается въ жалкомъ безпомощномъ невѣдѣніи самаго важнаго въ жизни. Съ дѣтства молиться по-славянски и не понимать словъ молитвы—это ведетъ къ тому, что языкъ молится, а умъ и сердце остаются праздными; и это вошло въ природу русскаго человѣка, который часто и при молитвенности и при фантастическомъ обрядовѣрїи глубоко безрелигіозенъ, преступенъ и золъ. Нужно-ли это беречь? Неужели Господь далъ намъ живую рѣчь для того, чтобы мы съ дѣтства боялись понятными и яркими для насъ словами сказать Богу о нуждѣ своей или исповѣдать Ему радость и благодарность своего сердца? Неужели въ самой живой, въ самой искренней и горячей бесѣдѣ, какая только мыслима для насъ, непремѣнно нужно говорить только чужое, трудное, непонятное, на устарѣломъ языкѣ? Не Богу это нужно, не Церкви это полезно, а прїятно это развѣ только тѣмъ, кто заинтересованъ въ тупости и атрофіи народныхъ религіозныхъ чувствъ.

Проф. Пѣвницкій говоритъ, что Богу прїятнѣе хотя и не вполне сознательная, но сердечная молитва простаца, чѣмъ безсердечное отношеніе къ молитвѣ при полномъ разумѣніи всего читаемаго въ церкви. Конечно. Никто противъ этого не споритъ. Но если при полной преданности и при горѣніи сердца разумѣть все, что предназначено для разумѣнія и

воспріятія вѣрнымъ, молящимся, то кому и чему это повредило бы? Въ старину простецъ ставилъ свѣчку предъ иконами и повторялъ только „Господи, помилуй“ до тѣхъ поръ, пока вся свѣчка не сгорала. И это была глубокая, горячая молитва. Извѣстна басня Толстого „о трехъ старцахъ“—на эту тему. Горячая и смиренная, хотя и темная, молитва простоты доходиле до Бога, чѣмъ широковѣщательныя моленія ученой мудрости. Все это такъ. Но неужели погибнетъ живая молитва, неужели мы развратимъ простыя сердца, если откроемъ имъ весь свѣтъ и разумъ нашего богослуженія? Неужели Богъ нашъ не Богъ свѣта и разума? Не зовуть-ли насъ, наоборотъ, и духъ и буква Писанія къ свѣту, познанію, совершенству? Не лучше-ли, въ самомъ дѣлѣ, сказать хоть пять словъ сознательно, чѣмъ тысячи непонятныхъ словъ—лишь „языкомъ“?

Конечно, и русскій текстъ нуждался бы въ уясненіи, въ воспитаніи разума вѣрующихъ до воспріятія возвышеннѣйшихъ понятій религіи; но теперь это очень много усложняется необходимостью и въ школахъ изучать славянскій языкъ, и въ проповѣди разъяснять то, что само по себѣ было бы ясно на живомъ языкѣ. А силы и время слишкомъ дороги! 1) Конечно, спасибо скажетъ народъ и за одно исправленіе и упрощеніе славянской рѣчи; но зачѣмъ сознательно не желать лучшаго? Русское богослуженіе!... Это было бы расцвѣтомъ и русскаго языка и русскаго духа, церковной жизни. Отъ этого богослуженіе не только не утратило бы своей величавости и торжественности, а значительно преумножило бы ихъ.

Не станемъ спорить съ почтеннымъ профессоромъ о сравнительномъ эстетическомъ достоинствѣ славянскаго и русскаго языковъ: это—дѣло и вкуса, и привычки, и развитія. Конечно, развитой человекъ пойметъ и оцѣнитъ многіе дорогіе перлы нашихъ богослужебныхъ церковно-славянскихъ книгъ. Но вѣдь богослуженіе для всѣхъ. Нужно,

1) Очень жаль, что петербургск. академическое изданіе Іоанна Златоуста много теряетъ отъ того, что тексты приведены въ немъ по славянски. Ясная рѣчь—и вдругъ иногда совсѣмъ непонятное изреченіе. Большинство читателей не подыскиваютъ и перазгадываютъ этихъ текстовъ: а эта потеря и сама по себѣ вредна, и ослабляетъ дѣйствіе златоустой рѣчи.

чтобы всё находили наилучшее выражение своихъ молитвъ. Мы ничѣмъ не можемъ утѣшиться, если для большинства вѣрующихъ большая часть цѣнныхъ перловъ церковно-богослужебнаго творчества пропадаетъ. Проф. Пѣвницкому кажется, что при живомъ языкѣ Богослуженіе много потеряетъ съ эстетической стороны, будетъ менѣе величественно и и трогательно. Если это такъ, то, конечно, нужно отказаться пока отъ мысли о русскомъ богослуженіи. Если, дѣйствительно, Господь отнялъ у насъ дарованія, если только безталанныя и нудныя канцеляріи и комиссіи будутъ перекладывать богослуженіе на языкъ бездушный и мертвый (можно и по-русски написать мертвымъ языкомъ), то, конечно, мы должны протестовать противъ этого, какъ противъ святотатства и кощунства. Однако и въ такомъ случаѣ мы не повѣримъ въ вѣчность славянщины, а будемъ горячо молить Господа, чтобы Онъ далъ намъ пророковъ, которые изложили бы для насъ божественныя службы могучимъ и богодухновеннымъ живымъ языкомъ, что такъ крайне нужно для пробужденія нашего одряхлѣвшаго времени. Достаточно было бы хоть немного этихъ истинно-духовныхъ переложеній, чтобы мы не жалѣли о старомъ, но сказали бы: „никто, пивъ сладкаго, не захочетъ горькаго“, ибо намъ стало бы ясно превосходство новаго надъ хотя бы и превосходнымъ старымъ. Наши древніе церковники какъ на кощунство смотрѣли на обновленіе церковныхъ обрядовъ и текста богослужебныхъ книгъ. Непримиримы и ихъ потомки. А между тѣмъ православный человѣкъ, попадая иногда въ центры старообрядчества и слыша, какъ тамъ протяжно, монотонно гнусятъ: „смерть на смерть наступилъ“ и видя яростные взоры, съ которыми тамъ слѣдятъ за непрошеннымъ гостемъ—„виконіаниномъ“, опасаясь, какъ бы онъ не перекрестился и чрезъ то не осквернилъ храма (кто-то описывалъ это въ Церк. Вѣстн. за 1909 г.), ясно сознаетъ, какъ много возвышено и просвѣтлено наше богослуженіе сравнительно съ древнимъ и какъ значительно, вмѣстѣ съ этимъ, ближе къ намъ истинный духъ религіи. То же, можетъ быть, почувствуютъ отчасти и потомки наши въ отношеніи красоты современнаго нашего богослуженія, когда Господь „во время свое“ благоволитъ дать намъ еще болѣе возвышенную и просвѣщенную службу.

Сектанты молятся по-русски. Проф. Пѣвницкій говоритъ, что неудобно идти путемъ отщепенцевъ, и считаетъ недостойнымъ православнаго христіанина ссылаться на примѣръ сектантовъ. Но что же намъ дѣлать, если сектанты прежде насъ оставили славянскій языкъ: неужели чрезъ это они обрели насъ на всегдашнее омертвѣніе въ славянщизнѣ? Неужели, если они прежде насъ стали въ общихъ собраніяхъ молиться и славить Бога на живомъ языкѣ, мы должны лишиться великаго права принести Богу служеніе на своемъ живомъ нарѣчій, для всѣхъ понятномъ и волнующимъ сердца словомъ? Г. профессоръ говоритъ, что у сектантовъ не въ чемъ взять примѣра: у нихъ нѣтъ ничего хорошаго. Положимъ, что такъ. Но напрасно про нихъ и говорить. Они—сами по себѣ, а мы идемъ своей дорогой. Указать на нихъ важно развѣ только въ томъ отношеніи, что они—живой крикъ народа о необходимости руссифицировать наше богослуженіе, приблизить его къ жизни. Конечно, это—великій грѣхъ сектантовъ, что, откинувъ нажитое и созданное двухтысячелѣтнимъ Богопросвѣщеннымъ геніемъ Церкви, они замѣнили это своими весьма скудными измышленіями, своимъ поддѣльнымъ, пустымъ и слащавымъ лепетомъ, и все это—съ наивной гордостью и озлобленіемъ. Да, это—измѣна Духу Божію, созидающему Церковь. Но неужели правда, что „равноцѣнно съ этимъ и измѣненіе богослуженнаго языка“, какъ заявляетъ г. профессоръ? Неужели перевести произведеніе на живой языкъ равносильно его отверженію и замѣнѣ своимъ сумбурнымъ измышленіемъ? Откуда такая непримиримость по отношенію къ живому языку? Не на живыхъ ли языкахъ проповѣдывали и служили Апостолы? Не на живомъ ли языкѣ редактировали Литургію святые и великіе Іоаннъ и Василій? И чему это вредило? Не было ли это источникомъ особенной искренности и жизненности богослуженія? Что намъ близко, чѣмъ мы живемъ, что намъ насущно-необходимо, о томъ мы говоримъ живымъ языкомъ, не выдумывая и не поддѣлывая—тѣмъ или инымъ способомъ—своихъ рѣчей. Конечно, въ сектантскомъ отношеніи къ великому наслѣдству Церкви и въ сектантскомъ богослуженіи наблюдаются и духъ, и тонъ, и настроеніе—невыносимые для православной души. Но не затѣмъ ли Провидѣніе дало мѣсто и сектантству, чтобы мы переболѣли ду-

шой, глядя на него, и ничего въ самой даже малѣйшей мѣрѣ сектантскаго не пропустили бы въ свое, ожидающее обновленія, богослуженіе. И думается, что благочестивыя души опасаящіяся, какъ бы хоть тѣнь чего-либо сектантскаго не промелькнула въ реформѣ нашего богослуженія, могли быть на этотъ счетъ совершенно спокойными.

Касаясь способовъ осторожнаго и постепеннаго проведенія реформы, проф. Пѣвницкій не хочетъ ихъ и оцѣнивать. Онъ считаетъ излишними заботы о подготовкѣ народа къ реформѣ, разъ самая реформа, по его мнѣнію, нежелательна, разъ она „не вызывается существенными нуждами“, и можетъ вызвать вредныя послѣдствія. Но вѣдь большинству же вѣрующихъ въ большинствѣ случаевъ славянское богослуженіе непонятно. Непонятность того, что—по своей цѣли—должно просвѣтить и утѣшить человѣка,—безнравственный абсурдъ, существенно вредный спасительному дѣлу Церкви, сильно обуреваемой враждебными стихіями. Необходимо нужно, чтобы всѣ и все понимали, чтобы всѣ силы Церкви были мобилизованы. Развѣ это не существенная нужда? Развѣ не болитъ у насъ сердце, когда мы видимъ тупо-унылое отношеніе народа къ непонятному и далекому отъ его жизни богослуженію? Намъ больно сознать религиозный голодъ народа, его жадное исканіе питанія на сторонѣ, его жажду у нашихъ источниковъ, полныхъ живой воды, но для него какъ „кладязъ глубокой“ недоступныхъ... Многимъ славянская рѣчь понятна стала въ зрѣлыхъ лѣтахъ, но была непонятна въ дѣтствѣ, трудно давалась въ школьные годы. Молитвы читались языкомъ, а не разумомъ и сердцемъ; вслѣдствіе чего мы очень часто встрѣчаемся въ жизни съ какой-то родовой атрофіей молитвеннаго чувства; славянскія реченія, уже и понятныя, часто не будятъ этого чувства, а еще болѣе засушиваютъ его; часто ни умственная зрѣлость, ни священный санъ не поправляютъ дѣла. Опасно оставить сердца въ такомъ состояніи и въ такой вѣкъ... Нельзя оставить также неправильныхъ и невразумительныхъ переводовъ въ богослужебныхъ книгахъ. Но въ очень многихъ случаяхъ было бы недостаточно ученаго или механическаго исправленія, а потребовалось бы живое и вдохновенное подтвержденіе переводимаго текста; а это возможно наилучшимъ образомъ только на родномъ живомъ языкѣ.

Это—дѣло творческихъ талантовъ. Воспитать же ихъ могла бы только дѣятельность свободнаго и живого творчества. И это въ принципѣ непремѣнно должно быть допущено. Чувства вѣрующихъ безусловно опасно оставить въ ярко уже выраженномъ состояніи маразма. Они должны ожить и воспрянуть для великаго и могучаго дѣла. Воскресеніе же ихъ необходимо выразится въ творческомъ обновленіи между прочимъ и богослуженія, и его въ особенности. Положить запретъ въ этой области было бы противленіемъ Духу Божію и умерщвленіемъ воскресающихъ активныхъ силъ внутренней религіозности. Можно говорить, что у насъ нѣтъ пророковъ; но что ихъ и не нужно, это грѣшно сказать. Ихъ нѣтъ, потому что имъ не полагается быть. А если мы принципиально признаемъ ихъ и „совѣщаемся“ молиться о нихъ, то должны приготовить путь имъ. Въ эту же послѣднюю задачу существеннымъ образомъ и входитъ, между прочимъ, руссификація богослуженія, какъ первая ступень приближенія его къ нашей реальной жизни. Все новое, необходимое для его полной жизненности, должно уже появиться на живомъ и родномъ нашемъ русскомъ языкѣ. И все это для умѣющихъ разгадывать „знаменія временъ“ относится къ самымъ „существеннымъ“ и настоятельнѣйшимъ „нуждамъ“ Церкви.

Что касается худыхъ послѣдствій, то право же пора перестать ссылаться на Никона. Въ такомъ духѣ никто не желаетъ реформы. Ее желаютъ только въ чисто-церковномъ духѣ. Какъ говорилось выше, она должна произойти *безъ тѣни насилія, съ полнымъ благоговѣніемъ къ существующему чину*, съ полной свободой для желающихъ удержать старый порядокъ; она должна совершиться всецерковнымъ участіемъ, творчески, духовносно, съ той могущественной постепенностью, съ какой совершаются всѣ вообще историческія народныя перемѣны, всѣ событія роста Царствія Божія въ людяхъ, подобно медленному, но неотступному проростанію „зерна горчичнаго“ или дѣйствію хлѣбной „закваски“. Дѣло нужно пока рѣшить въ принципѣ. Если мы въ этомъ сговоримся, то всѣ силы должны направиться къ тому, чтобы обновленіе было согласнымъ и радостнымъ развитіемъ церковной жизни, а не раздоромъ и борьбой партій. Какъ это сдѣлать, намъ должны подсказать и наше христіанское про-

свѣщеніе, и нашъ христіанскій характеръ, чуждый упорства и себялюбія, и наша любовь ко всѣмъ братьямъ во Христѣ, и, наконецъ, само дѣло, творимое съ терпѣніемъ, съ внимательностью и предупредительностью къ каждому искреннему слову и желанію ¹⁾. Если же мы не двинемся въ путь, боясь неопредѣленныхъ опасныхъ возможностей, то можетъ произойти нѣчто, достойное и слезъ и смѣха: мы или стоимъ предъ фантомами, созданными нашимъ паническимъ настроеніемъ, или задержимъ жизненное развитіе великой церкви въ угоду кучкѣ фанатиковъ...

Нѣкоторые проекты предлагаютъ ввести обновленное богослуженіе пока только въ нѣкоторыхъ храмахъ, т. е., иначе сказать, допустить *новообрядное единовѣріе*. Проф. Пѣвницкій не сочувствуетъ этому и по своему нерасположенію вообще къ данной реформѣ и потому, что желательна „единеніе между церквами, стоящими рядомъ“. „Иначе“, говоритъ онъ, „можетъ произойти соблазнъ, и разстройство единенія въ одномъ пунктѣ можетъ потомъ повести къ разстройству болѣе широкому. Лучше всего едиными устами и единымъ сердцемъ и (прибавимъ) одинаковымъ языкомъ славить и воспѣвать намъ пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына и Святаго Духа“. По его мнѣнію, у насъ не будетъ религіознаго единодушія при различіи языка въ богослуженіи, при чемъ „могутъ произойти раздѣленія, доходяшія до распрей. А мы должны *блжсти единеніе духа въ союзъ мира, составляя едино тѣло, единъ духъ*“... Конечно, неразуміе вездѣ найдетъ поводъ къ раздору; но изъ-за этого не слѣдуетъ быть у него въ рабствѣ, особенно въ такой высочайшей области жизни, какъ религія. Происходитъ-ли раздоръ въ Церкви отъ старообряднаго единовѣрія? Если нѣтъ, то не произойдетъ и отъ новообряднаго. При разныхъ языкахъ и обрядахъ у насъ будто бы не будетъ единодушія въ прославленіи Господа. Почему же? Развѣ прославленіе—въ языкѣ и обрядахъ? Можно единодушно и единымъ сердцемъ славить Бога разными словами и при разныхъ обрядахъ,—и можно озлобленно разномыслить и раздорить при одномъ и томъ же уставѣ и языкѣ. Одинъ любитъ славян-

1) Почему-то мы все „соблазняемъ“. А какой-нибудь проходимецъ ведетъ народъ, куда угодно, какъ послушное стадо

щину, другой ею соблазняется, а Бога тотъ и другой одинаково любятъ; если ихъ принудить къ одному языку, то это и будетъ духовнымъ насиліемъ, порождающимъ всякій раздоръ, ненависть и раздѣленіе. Разнообразіе формы не только не препятствуетъ единству духа, а наоборотъ—иногда сильнѣе создаетъ и проявляетъ это единство. Развѣ разногласили духовно Апостолы, прославляя Бога въ день Пятидесятницы разными языками? Не разнообразіемъ ли органовъ создается единство организма? Не погибъ ли бы организмъ при единообразіи органовъ? Какъ единое „тѣло не изъ одного члена, но изъ многихъ“, такъ и въ Церкви многообразіе дарованій и дѣйствій создаетъ и выражаетъ ея существенное единство (1 Кор. 12, 4—21). Единство и во внѣшнемъ, и въ мелочахъ между вѣрующими желательное; „но это единство не слѣдуетъ вызывать насильственными мѣрами; оно прекрасно лишь тогда, когда оно само явится.. Гораздо легче вѣрить въ единство, когда оно является въ формѣ разнообразія; единство сущности дѣлается болѣе замѣтнымъ при разнообразіи формъ; тогда какъ единообразіе, будучи по необходимости искусственнымъ, всегда бываетъ болѣе или менѣе подозрительно и невольно вызываетъ мысль о принужденіи или притворствѣ (Винѣ)“. Необходимо нужно блюсти *единеніе духа въ союзъ міра*; но какое же это единеніе духа, когда мы боимся перессориться изъ за различія въ звукахъ однихъ и тѣхъ же по смыслу словъ? Мы должны сростаться въ *одно тѣло* и въ *одинъ духъ*; но вся сила въ духѣ: *духъ животворитъ, плоть не пользуется ни мало*. Единство во внѣшнемъ не создаетъ внутренняго существеннаго единства. Наоборотъ—единство въ духѣ ведетъ къ единству во всемъ, гармонируя въ одно цѣлое самыя разнообразныя проявленія духовной жизни. Поэтому наша первая забота—о внутреннемъ, а внѣшнее — приложится. Не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе въ ущербъ свободѣ духовнаго роста...

Итакъ, руссификація нашего славянскаго богослуженія есть дѣло насущное, неотложное. Однако его нельзя сдѣлать быстро, по заказу. Наше богослуженіе—это довольно обширная литература. Какъ нельзя посредствомъ канцелярій и комиссій передѣлать народной литературы или создать живыхъ и вдохновенныхъ переводовъ иностранныхъ поэтовъ,

такъ точно нельзя этимъ способомъ и переложить на живую рѣчь нашего богослуженія, нашей религіозно-поэтической литературы. Это—дѣло свободнаго вдохновенія и благодатнаго творчества. Надобно только, чтобы оно было признано важнымъ, дорогимъ, для всей Церкви желаннымъ. Отъ высшей церковной власти зависитъ благословить новообрядное единовѣріе и установить начала его творческаго развитія и нормы его отношеній къ существующему чину. А затѣмъ уже труды и усилія ревнителей вѣры, благодать Божія и расцвѣтъ духовныхъ дарованій опредѣляютъ мѣру его славы и вліянія въ исторіи русской Церкви и широту распространенія въ русскомъ народѣ.

Священникъ Дмитрій Силинъ.
